

Италийская экспедиция Александра Молосского
и захват Гераклеи луканами

Д. В. Бубнов

Хронология событий италийской экспедиции Александра Молосского (334 – 330 гг. до н. э.) известна нам недостаточно хорошо. В сущности, только две даты – начало похода и его окончание, связанное с гибелью эпирского царя, – могут считаться достаточно надежно установленными. Последовательность же событий в очерченных ими границах остается предметом дискуссии. Неопределенность или отсутствие оснований для датировки событий похода требует особо пристального внимания к свидетельствам, которые могут пролить свет на связь отдельных эпизодов экспедиции, ее развития и мотивации действий Александра. Представляется, что к числу таких важнейших известий следует отнести сообщение о захвате Гераклеи эпирским правителем.

Взятие Гераклеи Александром Молосским, о котором сообщает Ливий (Heracleam Tarentinorum coloniam ex Lucanis ... cepisset [sc. Alexander – Д. Б.] – Liv. VIII, 24, 4), знаменует собой начало, пожалуй, одного из важнейших этапов экспедиции этого царя в Италию. Действительно, установив контроль над этим городом, эпирский правитель приобрел контроль над проводившимся в нем празднеством, общим для всех италиотов, и попытался изъять его из-под контроля гераклеотов и тарентинцев и перенести в другой город Южной Италии – Фурии (ὁ γοῦν Ἀλέξανδρος τὴν κοινὴν Ἑλλήνων τῶν ταύτη πανήγυριν, ἣν ἔθος ἦν ἐν Ἡρακλείᾳ συντελεῖν τῆς Ταραντίνης, μετάγειν ἐπειρᾶτο εἰς τὴν Θουρίαν – Strab. VI, 3, 4, 280). Одновременно, по-видимому, он предпринял попытку реорганизации союза италиотов, приказав построить укрепление, в котором мог бы собираться союзный совет (ἐκέλευε ... τειχίζειν τόπον, ὅπου ἔσοιοντο αἱ σύνοδοι – Strab. VI, 3, 4).

Такой ход, очевидно, должен был не только упрочить его политическую репутацию, но и позволить ему, нарушив гегемонию Тарента в союзе италийских греков, самому выступить в роли главы этой лиги и сыграть важную роль в консолидации италиотов для борьбы с внешней угрозой, исходившей от южноиталийских народов – луканов и бруттиев. По этой причине вопрос о времени и обстоятельствах захвата Гераклеи луканами и отвоевания ее эпирским правителем представляется чрезвычайно важным для понимания хода италийской экспедиции и италийской политики Александра в целом. К сожалению, характер сохранившихся свидетельств не дает возможности установить точную датировку событий, связанных с пребыванием молосского царя в Италии, поэтому решение вопроса о времени завоевания Гераклеи по необходимости будет ограничено установлением его места в относительной последовательности событий италийской экспедиции.

Исследователи, обращавшиеся к изучению похода Александра Молосского в Италию, расходятся во взглядах на интерпретацию и согласование между собой свидетельств Ливия и Страбона, восходящих, вероятно, к разным источникам¹, о захвате Гераклеи.

Одна группа исследователей (Р. Лоренц, Т. Моммзен, Г. Нибур, Дж. Грот, И. Дройзен, А. Деле, Ф. Леорман, И. Керст, Э. Пайс, Й. Вайс, Р. Хакфорт, а в более позднее время – Ф. Сартори), точка зрения которой на отношения Александра Молосского с Гераклеей выработалась еще в XIX в., полагает, что город был захвачен эпирским царем у тарентинцев вследствие возникшей между ними и Александром вражды. Очевидно, что это мнение основывается на сообщении Страбона о неприязненных отношениях между жителями Тарента и Молоссом, но слабо согласуется с другими данными источников. Так, оно противоречит уже упоминавшемуся прямому указанию, содержащемуся в тексте Ливия (Liv. VIII, 24, 4), согласно которому город был отнят Александром у луканов (ex Lucanis). Конструкция фразы в руко-

¹ По мнению Дж. Де Сенци Сестито, сведения Страбона об истории Тарента в IV в. до н. э. восходят к Тимею, источником же данных Ливия служили произведения анналистов и, кроме того, труды греческих историков.

писях Ливиева сочинения представляется Дж. Де Сенци Сестито и некоторым другим исследователям сложной для истолкования и поэтому неудачной. Одна из трудностей состоит в том, что в перечне захваченным Александром городов для обозначения их прежних владельцев используется *genetivus possessivus* (например, *Sipontum Apulorum, Consentiam Bruttiorum*)², однако в случае с Гераклеей употреблен аблатив – *ex Lucanis*. Подобное противоречие, пусть и усложняющее текст, не создает, как представляется, затруднений для истолкования ни грамматически, ни исторически. Очевидно, что Ливий, вводя в свой рассказ уточнение относительно происхождения Гераклеи – *coloniam Tarentinorum*, не мог вторично использовать родительный падеж для обозначения луканов в качестве обладателей города, у которых он был отнят Молоссом, во избежание путаницы в тексте. По этой причине – вследствие употребления имени луканов в аблативе – и возникает мнимое противопоставление двух частей сообщения: той, в которой имена владельцев городов поставлены в генетиве, и той, где они обозначены аблативом. По-видимому, не приходится сомневаться, что оппонентами Александра в борьбе за Гераклею, согласно сообщению Ливия, выступили именно луканы.

Следует отметить, что Ливий, в отличие от Страбона, не упоминает о враждебных отношениях между царем и тарентинцами. Впрочем, в последней части его сообщения о пребывании Молосса в Италии особое внимание уделено сообщению о жителях Метапонта, отправивших тело Александра в Эпир для погребения. Возможно, это свидетельство, особенно на фоне отсутствия каких-либо упоминаний о тарентинцах и их участии в продолжавшейся войне царя с луканами и бруттиями, косвенным образом подтверждает мнение Страбона о том, что гибель царя была следствием ухудшения отношений с Тарентом (Strab. VI, 3, 4, 280-281). Но все же для Ливия гибель Молосса, по-

² Другая проблема связана с упоминанием Сипонта в качестве одной из целей Александра. Дж. Де Сенци сестито и Д. Мусты предлагали исправить это название на Метапонт, а Л. Парети – на Гиппоний, города, местоположение которых непосредственно относилось к тому региону Южной Италии, в котором разворачивалась деятельность эпирского царя. Напротив, Дж. Урсо считал возможным принять чтение «Сипонт» и не ставил под сомнение политическую и военную активность Александра в Апулии.

видимому, была прежде всего исполнением предсказания дельфийского оракула (VIII, 24, 3-4, 11), а не результатом разрыва с тарентинцами.

Остается добавить, что и Страбон прямо не связывает лишение Александром Гераклеи роли политического и культового центра италиотов, которое, по его словам, было следствием враждебного отношения Молосса к тарентинцам, и захват города царем. Вполне вероятно, что перенос общегреческого праздника и места заседания синедриона италиотов в область Фурий последовал не сразу же за овладением Гераклеей, а по мере развертывания кампании против луканов, а затем и бруттиев. Следовательно, нельзя быть уверенным в том, что неприязненные отношения с Тарентом сложились у царя еще до захвата города и что именно вынудили его установить контроль над Гераклеей.

Таким образом, нет достаточных оснований для того, чтобы согласиться с мнением этой группы исследователей, будто Геракле была отнята Молоссом у тарентинцев. Более того, прямые свидетельства источников предлагают нам иные, противоречащие ему свидетельства. Еще менее вероятным представляется исключительно гипотетическое предположение о том, что Гераклея была захвачена царем дважды – сначала у луканов, затем у тарентинцев. Неудивительно поэтому, что представление о захвате Александром Молосским Гераклеи у тарентинцев находит все меньшее число сторонников.

Другая точка зрения на отношения Александра Молосского с Гераклеей и Тарентом также сложилась довольно давно. В работах Г. Де Санктиса, Э. Чачери, Дж. Джанелли, Дж. Урсо, А. Меле, Дж. Де Сенци Сестито, Э. Де Юлииса принимается свидетельство Ливи о захвате царем тарентинской колонии у луканов. В исследованиях в большинстве случаев этот факт служит основанием для не имеющего в источниках прямого подтверждения предположения о том, что именно оккупация Гераклеи луканами вынудила тарентинцев искать помощи у эпирского правителя. Убедительность этого заключения вызывает сомнение по целому ряду причин.

Во-первых, оно не согласуется с утверждением Юстина о том, что Александр после переправы в Италию первоначально вел войну против ближайших соседей Тарента - мессапов, которые у Юстина выступают под общим обозначением обитателей региона – апулийцев (Iust. XII, 2, 5 – *igitur cum in Italiam venisset, primum illi bellum cum Apulis fuit*). Правда, у Ливия в перечне городов, захваченных эпирским правителем в Великой Греции, Гераклея стоит на первом месте (Liv. VIII, 24, 4). Но есть ли основания считать, что список Ливия излагает успехи Александра в строго хронологическом порядке? Э. Манни и Л. Браччези высказывали предположение о том, что рассказ Юстина, эпитоматора Помпея Трога, о походе Молосса в Италию следовал греческой традиции об эпирском правителе, о чем свидетельствуют сохранившиеся в латинском тексте следы греческих терминов. В сочинении же Ливия оказались объединены данные, почерпнутые из разных источников - греческих историков (обычно называют имя Проксена)³ и римской анналистической историографии, что, возможно, привело к некоторому искажению содержания.

Кроме того, следует упомянуть, что Ливий завершает свой список указанием на захват Александром многих других городов луканов и мессапов (VIII, 24, 4), помимо тех, которые были перечислены специально. Вероятно, римский историк или его источник стремился отметить наиболее заметные успехи Александра, отмечая особо наиболее значительные из захваченных им городов – Гераклею, Сипонт, Консенцию и Терину. Поэтому можно предположить, что перечисление городов в тексте Ливия вовсе не обязательно дается в хронологическом порядке и, следовательно, нет оснований считать, что именно Гераклея была занята им в первую очередь. Но в этом случае возникает новый вопрос – по какой причине эпирский правитель медлил – пусть и не очень долго (Юстин упоминает, что мир с мессапами Александр

³ В пользу знакомства Ливия с греческими материалами, в том числе и по истории италийской экспедиции эпирского правителя, свидетельствует, в частности, то, что в девятой книге, в большом отступлении, содержание которого связано с обоими Александром - Македонским и Молосским, – он полемизирует с *levissimi ex Graecis*.

заклучил *brevi post tempore* – XII, 2, б) - с отвоеванием этого города у луканов, если именно оно было причиной приглашения и важнейшей задачей Молосса в Италии?⁴

Во-вторых, сохранившиеся источники ни разу не упоминают о том, что тарентинцев подтолкнуло к приглашению Александра какое-то конкретное событие⁵. Обычно указывается, что царя призвали для войны против мессапов, луканов и бруттиев (Strab. VI, 3, 4, 280; Iust. XII, 2; ср.: Arist. fr. 614, где предполагаемые противники Молосса названы просто варварами). Примечательно, что Юстин подчеркивает то обстоятельство, что на разных этапах войны в Италии противники у Молосса были разные. Так, упомянув о том, что первоначально царь воевал с мессапами, он после обширного отступления, посвященного легендарной истории Апулии, добавляет, что Молоссу также пришлось действовать и против луканов и бруттиев (XII, 2, 12 – *gessit et cum Bruttiiis lucanisque bellum*). Едва ли луканы и бруттии, не представлявшие непосредственной угрозы для Тарента, дали его обитателям повод для приглашения Александра вести войну в Италии. Более вероятно, что, как ранее Архидам. Молосс прибыл в Италию в первую очередь для того, чтобы обезопасить тарентинцев от ближайших соседей – мессапов⁶. В этом случае упоминание луканов и бруттиев в качестве основных противников Александра, для борьбы с которыми его призвали в Италию, представляется плодом позднейшей генерализации событий похода. Успехи царя в войне с ними, о которых сообщают Ливий (см., например: VIII, 24, 4 – *saepe Bruttias Lu-*

⁴ Если прав Л. Браччези, полагавший, что завоевание Гераклеи стало непосредственным следствием гибели Архидама и его войска в Италии и произошло в рамках той же кампании, вопрос получается несколько иным – почему Тарнет так долго медлил с отвоеванием своей колонии? В пользу того, что оккупация Гераклеи не была долгой, говорит полное отсутствие археологического материала, который может быть связан с пребыванием в городе завоевателей.

⁵ Едва ли такое событие, если оно действительно произошло, могло бы укрыться от древних историков, поскольку уже современники Молосса испытывали особый интерес к его предприятию в Италии и подробности похода фиксировались такими писателями, как Аристотель и Лик Регийский.

⁶ Дж. Урсо полагал, что в отличие от Архидама, призванного в Италию тарентинцами против мессапов, за приглашением Александра стояли разные полисы италиотов, в том числе и те, которым угрожали луканы и бруттии (Urso G. *Taranto ...* P. 25).

canasque legiones fudisset) и Юстин (XII, 2, 12 – gessit et cum Bruttiis lucanisque bellum multasque urbes cepit), заслонили в глазах древних историков подлинную причину приглашения эпирота.

В-третьих, используя аналогию с другими известными ситуациями, в которых италийские и сицилийские полисы обращались к услугам приглашенных полководцев, можно утверждать, что основанием для обращения за помощью служила не столько сама по себе внешняя угроза, сколько возникающие на ее фоне внутренние конфликты, отсутствие единства и потребность в консолидации населения полиса в опасной ситуации. Возможно, именно такая задача ставилась и перед Александром – сплотить тарентинцев и действовать совместно с ними для борьбы против мессапов. Косвенным образом это предположение подтверждают слова Страбона, согласно свидетельству которого, жители Тарента не были в состоянии подчиняться даже тем, кого сами приглашали на службу, и проникались к ним враждой (Strab. VI, 3, 4, 280).

Следует также отметить, что поход предшественника Александра в борьбе с италийцами – спартанского царя Архидама III – завершился в 338 г. до н. э. крайне неудачно: Юстин сообщает в прологе к двенадцатой книге, что царь погиб в сражении вместе с войском (Iust. Prol. XII – cum exercitu deletus). Однако в столь тяжелых условиях поиск нового полководца был отложен на несколько лет, что, по-видимому, должно свидетельствовать в пользу отсутствия прямой связи между ростом внешней угрозы для полиса и привлечением иностранных полководцев для борьбы с ней.

Таким образом, можно констатировать, что в нашем распоряжении нет прямых или косвенных свидетельств, позволяющих разделить убежденность ряда исследователей в том, что Гераклея оказывается в руках луканов до прибытия Александра Молосского в Италию и что именно ее захват спровоцировал обращение тарентинцев за помощью к эпирскому царю. Отсюда, как кажется, неизбежно следует вывод, что Гераклея переходит под контроль луканов уже после прибытия Александра в Италию и начала с его стороны во-

енных действий вместе с Тарентом против населения Апулии, завершившихся заключением мира и установлением союзных отношений (Iust. XII, 2, 6, 12, где специально упомянут договор Александра с педикулами)⁷. Нельзя исключать того, что поспешность заключения мира с осажденным Брундицием была продиктована необходимостью действовать на западе против луканов⁸.

Представляется, что гипотеза о захвате Гераклеи луканами уже после прибытия Александра в Италию дает ответ на вопрос о причине расширения деятельности эпирского царя в Великой Греции⁹. Необходимость отвоевания Гераклеи, которая вовлекла Молосса в продолжительную борьбу с луканами и бруттиями, открыла перед ним перспективу распространить его первоначально локальную активность до масштабов всей Южной Италии и в дальнейшем позволила попытаться создать на базе союза италиотов самостоятельное политическое образование, возглавляемое им самим.

Более того, начало борьбы против луканов потсавило перед Александром новые задачи, более широкие, чем те, для решения которых он был приглашен тарентинцами. Представляется, что именно это обстоятельство могло послужить исходным пунктом разрыва с жителями Тарента, переросшего позднее, с установлением Молоссом контроля над союзом италиотов, во враждебные отношения.

Библиографический список

Braccesi L. (1974) Roma e Alessandro il Molosso nella tradizione liviana // RIL. Classe di lettere e scienze morali e storiche. Vol. 108, fasc. 1. P. 196-202.

⁷ О прочность этих отношений, по-видимому, дает право судить тот факт, что апулийцы в дальнейшем – во время походов в Италию Клеонима и Пирра – выступают неизменно в качестве союзников тарентинцев.

⁸ Некоторые исследователи полагают, что во время пребывания Александра в Италии мессапы и луканы могли действовать совместно.

⁹ Обычно конфликт с луканами и бруттиями воспринимается как заданный заранее – либо вследствие того, что исследователи придерживаются мнения о существовании у Александра программы экспансии на Западе, сложившейся еще до похода в Италию, либо в силу убежденности в том, что Гераклея попала в руки луканов еще до начала похода и то тарентинцы пригласили эпирского царя именно для борьбы с ними.

Braccesi L. (1977) Grecità adriatica. Un capitolo della colonizzazione greca in Occidente / 2 ed. Bologna.

Braccesi L. (1995) Dalla morte di Archidamo alla morte del Molosso: osservazioni minime // I Brettii / a cura di G. De Sensi Sestito. T. 1. Cultura, lingua e documentazione storico-archeologica. P. 73-75

Brauer G. C., Jr. (1986) Taras: Its History and Coinage. New Rochelle; New York.

De Sensi Sestito G. (1987) Taranto post-architea nel giudizio di Timeo. Nota a Strabo VI, 3, 4, C 280 // Miscellanea greca e romana. Studi pubblicati dall' Istituto italiano per la storia antica. Roma. Vol. 11. P. 85-113.

De Sensi Sestito G. (1988) La Calabria in età arcaica e classica // Storia della Calabria antica. Roma; Reggio di Calabria. Vol. 1. P. 227-303.

De Sensi Sestito G. (2004) Alessandro il Molosso e le popolazioni della Lucania e del Bruzio // Alessandro il Molosso e i «condottieri» della Magna Grecia. Atti del quarantatreesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto – Cosenza, 26-30 settembre 2003 / Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia. Taranto. P. 519-560.

Giannelli C. A. (1969) L'intervento di Archidamo e di Alessandro il Molosso in Magna Grecia // CS. Anno 8, fasc. 1. P. 1-22.

Lorentz R. (1833) De civitate veterum Tarentinorum. Lipsiae.

Lorentz R. (1833) Disquisitio de civitate veterum Tarentinorum. Numburgi.

Manni E. (1962) Alessandro il Molosso e la sua spedizione in Italia // Studi salentini. Fasc. 2. P. 344-352.

Mele A. (1984) Crotone e la sua storia // Crotone. Atti del ventitreesimo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 7-10 ottobre 1983 / Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia. Taranto. P. 9-87.

Mele A. (1993) Crotone greca negli ultimi due secoli della sua storia // Crotone e la sua storia. Napoli. P. 235-291.

Musti D. (1983) Città di Magna Grecia: 1. Metaponto: note sulla tradizione stoica // RFIC. Vol. 111. P. 265-291.

Musti D. (1994) Strabine e la Magna Grecia. Città e popoli dell'Italia antica / 2 ed. Padova.

Pareti L. (1997) Storia della regione lucano-bruzia nell'Antichità / a cura di A. Russi. Roma.

Pugliese Carratelli G. (2004) Alessandro il Molosso e le città greche d'Italia // Alessandro il Molosso e i «condottieri» della Magna Grecia. Atti del quarantatreesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto – Cosenza, 26-30 settembre 2003 / Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia. Taranto. P. 283-320.

Urso G. (1998) Taranto e gli *xenikoi strategoi* (Studi pubblicati dall'Istituto Italiano per la storia antica, 64). Roma

Urso G. (1998) L'opposizione antitarantina e filoromana nella lega italiota // RIL. Classe di lettere e scienze morali e storiche. Vol. 132, fasc. 1. P. 147-161.

Urso G. (1999) Le fazioni filoromane in Magna Grecia dalle guerre sannitiche alla spedizione di Pirro // Fazioni e congiure nel mondo antico. / a cura di M. Sordi. (CISA, 25). Milano. P. 135-150.

Urso G. (2001) Roma «città greca»: nota a Strabone V 3, 5, 232 // Aevum. Anno 75, № 1. P. 25-35.

Werner R. (1987) Alexander der Molosser in Italien // Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirth zum 60 Geburtstag am 9.12.86 / Herausgegeben von W. Will unter Mitarbeit von J. Heinrichs. Amsterdam. S. 335-390.